

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: КУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 94(47)

Образ «новой» женщины
на страницах советских журналов 1920-х гг.

Софья А. Смирнова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sofsmirnova1@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена формированию образа «новой» советской женщины в специализированной периодике 1920-х гг. В центре исследования автора – трансформация традиционных представлений о женщине в новом обществе и государстве в ранний советский период. В работе выявляются значительная роль советской прессы в системе официальной пропаганды, а также инструменты ее воздействия на аудиторию, с помощью которых населению внушались черты, обязательные для советских гражданок. Особое внимание уделено решению женского вопроса большевиками: следуя идеям марксизма и нуждаясь в дополнительной рабочей силе, они с первых дней у власти приступили к созданию законодательной базы, направленной на превращение представительниц «слабого» пола в равноправных членов общества. На обширном материале общественно-политических журналов эпохи («Работницы», «Крестьянки», «Делегатки», «Батрачки») исследуются грани идеального женского образа в частной, трудовой и общественно-политической сферах жизни. Работа вносит вклад в понимание роли женщины 1920-х гг. в социалистическом строительстве, которая, преодолев патриархальные стереотипы, отказалась от частной жизни, вышла из тьмы «обывательщины» и усердно трудилась на благо новой Родины наравне с мужчинами.

© Смирнова С.А., 2025

Ключевые слова: советское общество, «новая» женщина, советские женские журналы 1920-х гг., советская пропаганда

Для цитирования: Смирнова С.А. Образ «новой» женщины на страницах советских журналов 1920-х гг. // Молодой историк. 2025. № 4. С. 78-90.

The image of a “new” woman in Soviet magazines of the 1920s

Sofya A. Smirnova

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, sofsmirnova1@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the image of a “new” Soviet woman in the specialized periodicals of the 1920s. The research focuses on the transformation of traditional ideas about women in the new society and state in the early Soviet period. The paper reveals the significant role of the Soviet press in the system of official propaganda, as well as the tools of its influence on the audience, through which the population was inspired with the features that are obligatory for Soviet women. Special attention is paid to how Bolsheviks solved the women's issue. Since the first days of their power Bolsheviks, following the ideas of Marxism and requiring additional workforce, began to create legislative framework aimed at turning representatives of the “weaker” sex into equal members of society. Using the extensive material from the socio-political magazines of the era (e.g. “Worker”, “Peasant”, “Delegate”, “Farmhand”), the author investigates the facets of the ideal female image in private, labor and socio-political spheres of life. The paper contributes to highlighting the role of women in the 1920s in socialist construction, who, having overcome patriarchal stereotypes, abandoned private life, emerged from the darkness of “philistinism” and worked hard for the benefit of her new Homeland on an equal basis with men.

Keywords: Soviet society, the “new” woman, Soviet women's magazines of the 1920s, Soviet propaganda

For citation: Smirnova, S.A. (2025), “The image of a “new” woman in Soviet magazines of the 1920s”, *Young Historian*, no. 4, pp. 78-90.

В отечественной истории 1920-е гг. стали периодом радикальных преобразований и временем становления новой социалистической реальности: на месте разрушенной империи появилось и развивалось молодое Советское государство. Это десятилетие ознаменовалось не только политическими и экономическими переменами, но и глубокими культурными сдвигами, отражающимися в формировании новой идеологии и коллективной идентичности. Особое место в этих процессах занял феномен «нового» советского человека, под которым подразумевался идеал личности с конкретными чертами характера, моральными нормами и поведенческими установками, внушаемый населению «сверху» через средства официальной пропаганды. Особенно наглядно насаждение такого образа коснулось женщин, чье положение подверглось кардинальным переменам с установлением советской власти.

С первых дней у рычага управления большевики приступили к решению женского вопроса, который долгое время обделялся вниманием царского правительства. Такая активность нового руководства зиждилась на марксистской идее классовой борьбы, которая предписывала всем угнетенным категориям населения стоять за свои права и стремиться к справедливости. С другой стороны, повышенный интерес большевиков к женской части населения можно обусловить сокращением числа мужчин в стране в результате кровопролитных Первой мировой и Гражданской войн: в этих условиях женщины стали рассматриваться как один из возможных ресурсов для строительства нового государства [Давыдов, Козлова 2021, с. 61].

Следуя установкам всеобщего равенства, советская власть первоочередно обратилась к созданию законодательной базы, которая избавила бы женщин от оков старого строя и даровала бы им широкий круг прав. Постановлениями и декретами высших государственных органов бракосочетание было изъято из ведения

церкви¹, допускался развод в одностороннем порядке², ликвидировалась безграмотность населения³, устанавливалась равная оплата труда вне зависимости от пола⁴, защищалось материнство и детство⁵, а Конституция РСФСР 1918 г. наделила всех граждан активным и пассивным избирательными правами⁶, создав условия для вовлечения женщин в политику.

Однако юридические новшества еще не означали реальные перемены в жизни советских гражданок: невзирая на масштаб правовых изменений, одного законодательства было недостаточно для модернизации мышления и поведения народа, поэтому эмансипация «слабого» пола в Советском государстве сопровождалась активной деятельностью официальной пропаганды, которая определялась партией и была призвана сформировать в умах граждан образ «новой» женщины, к которому необходимо было стремиться.

Одним из наиболее мощных и эффективных рупоров советской пропаганды стала периодическая печать, которая благодаря регулярным публикациям, разнообразию форматов, внушительному тиражу и относительно недорогой стоимости имела большое влияние на умы населения. Из многочисленных

¹ 18 (31) декабря. Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 247.

² 16 (29 декабря). Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 237–240.

³ 26 декабря. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР // Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 50.

⁴ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов. О заработной плате рабочих и служащих в Советских учреждениях // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 955.

⁵ I-й кодекс законов Р.С.Ф.С.Р. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918.

⁶ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Сборник декретов 1917 – 1918 гг.: собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1920. С. 69.

изданий эпохи выделяются общественно-политические женские журналы «Работница», «Крестьянка», «Делегатка» и «Батрачка», которые были ориентированы на конкретные категории женского населения и характеризовались выраженной идеологической ангажированностью, вследствие чего наиболее удачно доносили до аудитории те черты, которыми должна обладать идеальная советская героиня, и ныне представляются репрезентативными источниками для анализа образа «новой» женщины 1920-х гг.

Прежде чем стать активным участником социалистического строительства женщине предстояло избавиться от гнетущих факторов старой жизни: мужа-тирана, домашних обязанностей, воспитания детей, неграмотности и влияния церкви. Большевистские женские издания были призваны помочь читательницам решиться на перемены и внушали необходимость борьбы с пережитками традиционного общества.

Главным препятствием для преобразований часто оказывался консервативно настроенный избранник. Идеальный советский мужчина должен был стать проводником для своей супруги на пути к новой жизни, поддерживать ее в начинаниях и приобщать к общественной деятельности [Болотова 2018, с. 64], как это было у делегатки из журнала «Крестьянка», которая признавалась, что достичь успеха ей чрезвычайно помогло отношение мужа, который «не только не мешал, но и сам толкал вперед»⁷. Однако удача в отношениях с партнером сопутствовала далеко не всем: на разворотах журналов эпохи превалировал жизненный сценарий, в котором женщины подвергались физическому и эмоциональному насилию со стороны мужа, не желающего «смотреть по-новому». Старый брак делал женщину в большинстве своем «забитой, искалеченной, преждевременной старухой и от побоев мужа, и от ужасной жизни в семье»⁸. Редакции женских изданий пытались сподвигнуть читательниц на расторжение такого союза, публикуя призывы с недвусмысленным содержанием. Ярким примером такой агитации служат запоминающиеся строки из «Делегатки»:

«Эй, ты, пьяный муж в избушке,

⁷ Крестьянка. 1925. № 14. С. 2.

⁸ Работница. 1925. № 17. С. 3.

С кнутовьем, с уздой в руке,
Нет тебе в жене игрушки,
Нет волосьев в кулаке»⁹.

В это же время ведущая ранее социальная роль матери отходит на задний план: в новой стране женщина прежде всего должна была быть труженицей производства. Воспитание детей, по замыслам советского руководства, гражданки должны были делегировать государству в лице воспитательных и образовательных учреждений, которые ограждали подрастающее поколение от нищеты и прививали ему социалистические идеалы [Минаева 2015, с. 178]. Для помощи женщинам создавались ясли, детские сады и площадки. Журналы эпохи свидетельствуют о том, что дошкольные учреждения открывались как в городе¹⁰, так и в сельской местности¹¹ и быстро завоевали симпатию и доверие трудящихся и их детей¹².

Однако полного отказа от материнских функций в 1920-е гг. не произошло, о чем свидетельствует наличие в журналах для женщин детских рубрик (например, раздел «Малым ребятам» в «Работнице» и «Для детей» в «Крестьянке»), а также многочисленных советов по уходу за детьми («Как готовить прикорм для ребенка»¹³, «Как отнимать ребенка от груди»¹⁴ и т. д.).

Еще одним источником утнетения «слабого» пола являлись домашние обязанности, поэтому советская власть предприняла попытки по ликвидации «кухонного рабства»: в крупных промышленных центрах открывались столовые, прачечные, гладильни. В женской периодике можно найти много сведений о работе этих заведений. Например, в отчете Ильиной о столовой в Бежицах особенно выделяется опрятность места («подаются ножи и вилки каждому, да такие чистые, что жаль их пачкать»¹⁵) и восторг

⁹ Делегатка. 1923. № 2. С. 22.

¹⁰ Делегатка. 1926. № 16. С. 5.

¹¹ Делегатка. 1927. № 1. С. 13.

¹² Делегатка. 1923. № 6. С. 23.

¹³ Крестьянка. 1923. № 11. С. 37.

¹⁴ Работница. 1925. № 10. С. 23.

¹⁵ Работница. 1924. № 12. С. 31–32.

посетителей, которые говорят, что «никогда не ели так вкусно, даже на светлый праздник»¹⁶.

Освободившись от диктата мужа, присмотра за детьми и изнуряющего быта, в духовном плане женщина все еще оставалась в плену неграмотности и религиозных догм, из-за чего была неспособна к квалифицированному труду и восприятию идей ленинизма. В связи с этим необходимость образования и перехода к атеизму освещается почти в каждом номере партийных женских журналов 1920-х гг.

В борьбе с невежеством женщинам помогали пункты ликвидации безграмотности. Постоянной посетительницей таких курсов стала Татьяна Андреева из Хорошевки, которая поделилась своим опытом в прессе: крестьянка, несмотря на свой преклонный возраст, записалась в ликпункт и обучилась чтению и письму за три месяца. В конце заметки женщина с гордостью заявляла: «Теперь я журналы читаю. А с букварем не расstaюсь – ведь он меня грамотной сделал. Всю зиму я буду как можно больше читать и писать»¹⁷.

Уход от религии, в свою очередь, проявлялся в отрешении от многовековых обрядов (например, таинство крещения стало замещаться октябринами¹⁸) и атрибутов (таких как иконы¹⁹), а на смену церковным торжествам пришли активные пролетарские праздники (8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября), на которых не было места бытовому безделью и алкоголю [Барышева 2019, с. 892].

У «новой» женщины, свободной от пережитков традиционного строя, появлялись силы, время и способности для активной экономической и политической деятельности, поэтому журналы 1920-х гг. вели пропаганду для привлечения читательниц в новые сферы общественной жизни.

Для агитации аудитории к вступлению в ряды работниц советские издания использовали различные приемы производственной пропаганды, среди которых особое место занимали заметки в формате «было/стало», демонстрирующие

¹⁶ Там же.

¹⁷ Крестьянка. 1929. № 4. С. 4.

¹⁸ Крестьянка. 1924. № 13–14. С. 17.

¹⁹ Работница. 1924. № 12. С. 30.

позитивные перемены в жизни женщин, устроившихся на советские предприятия. Примером такой публикации служит история Е. Коротковой: до 1919 г. она была домашней прислугой у бар, которые издевались над ней и «за малейшую провинность вышвыривали ночью из квартиры»²⁰. Твердо решив изменить свою жизнь, женщина трудоустроилась в советское учреждение на должность курьера и только там почувствовала, что она «такой же человек, как и все», и может «высказывать свои мнения и нужды»²¹.

Другим средством производственной пропаганды стало воспевание труда в особенной поэтической форме: любовь советских женщин к своим специальностям демонстрировалась в стихотворениях «Пряха»²², «Ткачиха»²³, «Вышивальщицы»²⁴ и др.

Наконец, источником мотивации для советских читательниц могло служить сравнение условий труда на отечественных предприятиях и за границей. Периодика 1920-х гг. в ярких красках описывала жизнь немецких батрачек, работающих за еду и проживающих в страшных бараках²⁵, а также негодование французов по поводу низких зарплат и бесчеловечной эксплуатации детей, продолжительность рабочего дня которых могла достигать 22 часов²⁶. На фоне таких историй недочеты на производстве в Стране Советов представлялись аудитории незначительными.

Однако «новая» героиня 1920-х гг. все же сталкивалась с трудностями на работе: журналы периода подтверждают, что ее трудовые будни омрачали многочисленные случаи насмешек и агрессии со стороны коллег-мужчин. Так, работница Чудакова из Серпухова жаловалась на плохое отношение монтеров, которые не давали ей подсказок по работе и смеялись над ней, произнося: «Тебе здесь не место: “курица не птица, баба не человек”»²⁷. «Сами

²⁰ Работница. 1923. № 5. С. 3.

²¹ Там же.

²² Работница. 1923. № 1. С. 12.

²³ Там же.

²⁴ Работница. 1924. № 1. С. 6.

²⁵ Работница. 1926. № 22. С. 9.

²⁶ Работница. 1925. № 4. С. 16.

²⁷ Делегатка. 1926. № 16. С. 13.

ничего не давали мне делать, а теперь говорят, – слабо работала» – негодует автор заметки²⁸.

Тем не менее советские труженицы не сдавались и, невзирая на предвзятое отношение, осваивали новые специальности. В 1924 г. работница Московского оружейного завода Калугина первой на своем предприятии встала за токарный станок, чтобы стать образцом для других женщин²⁹, а в 1927 г. на Механическом заводе в Златоусте была образована целая бригада женщин-токарей, которая не только работала в ногу с мужчинами, но и превосходила их по показателям³⁰. На страницах «Делегатки» встречаются воодушевляющие примеры женщин слесарей и кузнецов³¹. В деревне же появлялись крестьянки, тяготеющие к работе на сельскохозяйственной технике: подтверждением этому служит трактористка Аксюша из статьи П. Дудорова³². С началом индустриализации и коллективизации в конце 1920-х гг. практика покорения женщинами «мужских» профессий стала популярнее и в следующем десятилетии переросла в крупное движение.

В то же время в журналах начали появляться статьи, акцентирующие внимание на физиологических особенностях женского организма. Доктор Отрадинский высказывался о том, что «закон не запрещает ей [женщине] работать наравне с мужчиной», однако важно понимать, что «она устроена по-другому», «она слабее его» и должна беречь себя в работе, чтобы быть здоровой, ведь «женщина предназначена еще и для деторождения»³³. Сквозь эти строки прослеживается, как на пороге нового десятилетия материнская роль в женском образе начала возвращать себе передовые рубежи.

Тем временем на селе тоже происходили глобальные перемены.

Батрачки, как самые малоимущие слои крестьянства, и без производственной пропаганды были вовлечены в работу: они

²⁸ Там же.

²⁹ Делегатка. 1924. № 4. С. 20.

³⁰ Работница. 1927. № 21. С. 14.

³¹ Делегатка. 1927. № 5. С. 11.

³² Батрачка. 1928. № 7. С. 7.

³³ Батрачка. 1927. № 1. С. 14.

представляли собой наемную силу. Советская власть, стремясь избавить их от незаконной эксплуатации, призывала женщин заключать трудовые договоры. Письменное соглашение с хозяином должно было избавить батрачек от нарушения их прав, задержки выплат. Журналы рекомендовали заключать договоры при посредничестве органов союза сельскохозяйственных и лесных рабочих³⁴, а несогласным кулакам объявлять бойкот³⁵.

Среднячки, которые были целевой аудиторией журнала «Крестьянка», тоже работали в поле, поэтому публикации делали больший акцент на вовлечении женщин в общественную и политическую жизнь. Их участие в новых сферах было реализовано посредством возникших в 1919 г. делегатских собраний при советах и партийных отделов по работе среди женщин (женотделов) при ЦК РКП(б) (а затем при ЦК ВКП(б)). Перед организациями стояла цель привлечения женской половины населения к партийным работам, приобщения их к управленческому труду. В обязанности женорганизаторов входило формирование женского актива в городах и деревнях, курирование его деятельности и оказание необходимой помощи активисткам (делегаткам) в их деле по защите интересов советских гражданок [Панкова-Козочкина 2010, с.128].

Наиболее массовыми и энергичными были делегатские собрания в городах, участницы которых отстаивали трудовые и социальные права работниц, отвечали за вербовку женщин для привлечения новой силы на предприятия. Заседания учили быть активными сознательными гражданками, заниматься общественной работой (по кооперации, народному образованию, охране материнства и младенчества, жилищному строительству, коммунальному делу), а также позволяли улучшить свое положение и рука об руку с коммунистической партией строить светлое будущее³⁶.

В связи с тем, что крестьянки считались более угнетенными и отсталыми по сравнению с работницами, среди последних велась активная пропаганда «смычки» с деревней – городские труженицы

³⁴ Батрачка. 1927. № 2. С. 11.

³⁵ Батрачка. 1927. № 3. С. 14.

³⁶ Работница. 1925. № 17. С. 2.

должны были помочь своим сельским подругам встать на путь к новой жизни³⁷. При этом развитие женских организаций у крестьянок претерпевало определенные трудности. Во-первых, этому препятствовали мужчины, которые не желали видеть женщину в управленческих структурах. К примеру, крестьяне из хутора Прудки не хотели принимать крестьянку Ермилову в местный совет, аргументируя это тем, что «сроду такого не было, чтоб бабу да в серьезное дело допускали»³⁸. Во-вторых, женщины встречали сопротивление со стороны своих работодателей (кулаков), которые запрещали батрачкам посещать собрания и увольняли за активную жизненную позицию (как это произошло с Дерябиной из Алушты³⁹). Во-третьих, сами крестьянки были трудными на подъем, часто имели закоренелые традиционные взгляды: даже вступив в ряды делегатов, они на первых порах испытывали страх перед новым занятием (например, Фекла Шумилова признавалась, что в первое время на собраниях «боялась пошевелиться, слово сказать»⁴⁰). Эти факторы стали причиной малочисленности сельских женских организаций, однако нельзя отрицать их вклад в становление «новой» женщины.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что образ «новой» советской женщины 1920-х гг. характеризовался, с одной стороны, отказом от традиционного стереотипа бесправной «кухонной рабыни», закабаленной мужем-тираном и детьми, с другой – воплощал в себе активную гражданку, которая, преодолев неграмотность и религиозные предрассудки, становилась участницей общественной жизни и трудолюбивой работницей завода или сельского хозяйства, осваивающей новые профессии. Этой героине были присущи такие черты, как решительность, трудолюбие, оптимизм, самодостаточность, а также преданность идеям ленинизма.

³⁷ Работница. 1925. № 11. С. 10.

³⁸ Крестьянка. 1925. № 7. С. 13.

³⁹ Батрачка. 1927. № 7–8. С. 16.

⁴⁰ Делегатка. 1926. № 6. С. 13.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышева 2019 – *Барышева Е.В.* «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920 – 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 887–899.
- Болотова 2018 – *Болотова Е.В.* Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 60–69.
- Давыдов и Козлова 2021 – *Давыдов Д.В., Козлова О.В.* «Мысль, что мы равноправны, нас еще больше воодушевляла»: эмансипация советской женщины в 1920-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 4. С. 60–70.
- Минаева 2015 – *Минаева О.Д.* Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг. М.: МедиаМир, 2015. 230 с.
- Панкова-Козочкина 2010 – *Панкова-Козочкина Т.В.* Крестьянское самоуправление 1920-х гг.: гендерный аспект // Наука и школа. 2010. № 4. С. 127–131.

REFERENCES

- Barysheva, E.V. (2019), “The ‘New Woman’ in the Context of Soviet Festive Culture of the 1920s–30s”, *Vestnik arhivista*, no. 3, pp. 887–899.
- Bolotova, E.V. (2018), “Formation of the image of Soviet women in the 20–30-ies XX century. (based on the publications of the magazine ‘Workwoman (Rabotnica)’)”, *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, no. 2, pp. 60–69.
- Davydov, D.V. and Kozlova, O.V. (2021), “ ‘The thought of us having equal rights encouraged us even more’: emancipation of the Soviet woman in the 1920s”, *Ekho vekov*, no. 4, pp. 60–70.
- Minaeva, O.D. (2015), *Zhurnaly “Rabotnitsa” i “Krestianka” v reshenii “zhenskogo voprosa” v SSSR v 1920–1930-e gg.* [The magazines “Worker” and “Peasant Woman” in solving the “women's issue” in the USSR in the 1920s–1930s], MediaMir, Moscow, Russia.
- Pankova-Kozochkina, T.V. (2010), “The gender aspect of peasants’ self-administration in the 1920s”, *Nauka i shkola*, no. 4, pp. 127–131.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья А. Смирнова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; sofsmirnova1@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya A. Smirnova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; sofsmirnova1@gmail.com